

ЛИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ Ю. АРТАМОНОВА «КОКШАГА ТЫ МОЯ, СИНЕОКАЯ» (поэтика композиции)

Л. В. КАЛАШНИКОВА,

*специалист по учебно-методической работе
учебно-исследовательской лаборатории «Марийская школа»
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ)*

В марийском лирическом рассказе, как в любом произведении лирической прозы, большое внимание уделяется «персональному» повествователю-рассказчику в форме «я», выступающему как «очевидец, наблюдатель, свидетель, непосредственный участник действий, лицо, вспоминающее о своем прошлом или исповедующийся» [6, 93]. Ему принадлежит активная оценочная роль: он скрепляет жизненные факты и разных героев рассказа. Повествование в лирическом рассказе чаще всего ведется от первого лица. Однако такая повествовательная форма не является обязательным компонентом структуры лирических произведений. Повествование отчасти может быть и объективным, в нем бывает востребованной и аукториальная форма. Как отмечает С. Антонов в «Письмах о рассказе», «...объективные рассказы неоднородны. При чтении некоторых... почти сразу начинаешь ощущать позицию автора, начинаешь понимать, что он любит, что порицает, сквозь строки повествования мы с легкостью проникаем во все оттенки его мысли и безошибочно ощущаем ту единственно верную интонацию, с которой автор произнес бы фразу, если бы читал свой рассказ вслух» [1, 34].

В «многослойном иерархическом произведении» «повествовательные типы» [4, 106] могут совмещаться. Примером служит рассказ Ю. Артамонова «Кокшага ты моя, синеокая» («Канде тасман, ужар солыккан Какшан», 1975 [2]), в котором повествование начинается и заканчивается в форме первого лица, а в рассказе

про Лавруша (главный герой произведения) употребляется форма третьего лица. Рассказ в нарративном плане имеет кольцевую композицию, т. е. «устанавливается композиционная перекличка между началом и концом произведения» [3, 128]. В нем совмещаются не только типы повествования, но и разные временные планы. Используя прием ретроспекции, автор «переносит» читателя в прошлое и дает возможность наблюдать за развитием событий и переломными моментами в жизни главного героя.

Динамика событий в лирическом рассказе Ю. Артамонова не играет ведущей роли, автору важнее показать движение души героя-повествователя. Действие происходит летом во время сенокоса. Молодой человек влюбляется в девушку по имени Ануш, но из-за скромности и застенчивости не может открыть ей свое душевное состояние. Ему противопоставляется другой персонаж рассказа – дерзкий, наглый Миклай, который, не стесняясь, общается и обнимается с девушками. Однако в глазах Ануш и ее подруг Миклай в отличие от Лавруша – ненадежный. «Привлекательность персонажей, их особенные (высокие) духовно-нравственные качества в рассказе Артамонова открываются в основном через их действия» [5, 198], но все эти действия психологически мотивированные, что достигается за счет множества собственно психологических деталей и динамического портрета, передающих их внутреннее состояние и его

изменение. Первый шаг навстречу любимому делает сама Ануш. Постепенно герой меняется, начинает чувствовать себя более раскованно, он готов все сделать ради девушки: *Машиным мо? Күлеш гын, Йошкар-Ола гыч поездым конда, кудал толашыже шкак рельсым опта. Рвезын көргыштыжө тугай вий ылыжын, тугай патыр, чолга, лүддымө лийын, пуйто ик йүд жапыште лу ийлык ушым поген. Куанымыже, лывыргыше чонжо дене ала-момат сайым ыштымыже, кава марте төршталтен колтымыжо шуэш* [2, 40]. «Только машину? Если нужно, из Йошкар-Олы поезд пригонит, сам сложит рельсы, чтобы проехал. Такая сила проснулась в юноше, таким сильным, бойким, бесстрашным стал, будто за одну ночь набрался ума за десять лет. От радости, умиления ему хочется сделать что-то хорошее, до неба прыгнуть».

Повествование в лирическом рассказе чаще всего ведется от первого лица. Однако такая повествовательная форма не является обязательным компонентом структуры лирических произведений. Повествование отчасти может быть и объективным, в нем бывает востребованной и ауториальная форма.

В изменении героя кроме Ануш большую роль играет и другой персонаж – Карп Афанасьевич (в народе дед Карп), который учит прислушиваться к природе, жить с ней в гармонии, жить естественной жизнью. «Писатель изображает героев, органически слитых с природой и открытых к постижению ее красоты» [8, 82].

Особое место в показе становления героя и развитии его души отводится антропоморфному образу реки Кокшаги, которая по-человечески обращается к герою: *Чонет гына мыйын гаяк проста, самырык да яндар лийже. Ит амырте тудым нигунам. Мый тугай егым веле жаплем, тугай еглан веле ўмырашлык*

йолташыже лиям [2, 27]. «Лишь бы душа оставалась такой же простой, молодой и чистой, как моя. Только таких людей я ценю, только таким людям я навеки останусь другом».

Кокшага олицетворяется, она для героя – друг (*Йöратем мый Какшаным. Какшан айдеме гаяк. Садлан мый тудым шке йолташемланак шотлем. Поро, ушан-шотан, кумылзо* [там же, 22]. «Люблю я Кокшагу. Кокшага, как человек. Поэтому считаю ее своим другом. Хороший, толковый, нежный») и сестра (*Палыш да, йывыртен, шке шольыжо семынак вайлие* [там же, 27]. «Узнала и, обрадовавшись, встретила, как своего брата»).

Образ Кокшаги появляется в тексте часто и становится своего рода лейтмотивом всего произведения. Кокшага – это не только малая родина главного героя-повествователя (*Лавруш – тиде мый, чарайолан йоча жапем, чүчкенмодын кошшо каче пагытем, рвезылык шонгылыкем* [там же, 41]. «Лавруш – это я, мое босоное детство, веселая молодость, молодая старость»), но и свидетель всего происходящего в его жизни. Повествователь отмечает: *Чылажымат ме тый денет, йöратыме Какшанем, ик шинча денак ончышн. Армыйыште туркмен мландыште служитленам, Балтика теныз серыште пашам ыштенам. Тунамат пеленем лийыч. Тыйымак, Какшан, аралышым, тыйымак шонен, пашам ыштышым* [там же, 22]. «За всем мы с тобой, моя любимая Кокшага, наблюдали вместе. Служил ли в армии на туркменской земле, работал ли на берегу Балтийского моря. Везде ты была со мной, Кокшага. Именно тебя, Кокшага, я охранял, работал, думая о тебе».

В тех частях рассказа, где речь идет об отъезде, службе и работе героя в других краях, употребляются глаголы в форме второго прошедшего времени, создавая ощущение, что описываемое было очень давно. А в начале рассказа, где описывается сегодняшняя Кокшага, и в середине, где изображается молодость Лаврен-

тия Петровича, глаголы даны в формах настоящего и первого прошедшего времени. Соответственно создается ощущение, что эти временные формы повествователь употребляет в речи тогда, когда он ближе к Кокшаге. То, что было после встреч с рекой и до встреч с ней, – неважно, незначительно. Сейчас все по-старому, он вернулся, он рядом: *Энер вүд эре йога, нигунам мѳнгеш, тошто олмышкыжак, огеш пѳртыл. Мый пѳртылынам. Тыят тыштак улат. Теве, кидем шуялтен ом шу гын, шинчаончалтышем дене эре шуам. Теве тый улат! Эре пеленем, чонем воктен улио канде тасман, ужар солыккан Какшан* [там же, 22–23]. «Вода в реке постоянно течет, никогда не возвращается на старое место. Я же вернулся. И ты здесь. Если не достану тебя руками, то могу объять тебя взглядом. Вот ты здесь! Всегда рядом, в моем сердце, Кокшага ты моя, синекая».

Кокшага получает многомерную характеристику. Она интерпретируется как сестра, как друг, с которым можно общаться, как родина, как «мощное средство обогащения духовного мира человека» [9, 192].

В рассказе происходит взаимодействие реального и воображаемого миров. Воображаемое связано с образом Кокшаги. В тексте также органично сочетаются романтически-возвышенное и натуралистически-достоверное. Натуралистически-достоверное связано с описанием сельской жизни, любовных сцен, но это не только не снижает уровень произведения, но и сближает читателя с описываемыми событиями.

В лирическом рассказе Ю. Артамонова встречается много внесюжетных элементов – описаний и авторских отступлений. Так, пейзаж является «важным содержательным компонентом художественного произведения» [7]. Природа в рассказе представлена не как застывшая картина, она часто олицетворяется. Например: *Ала-кушеч йүдвечын, йорга памаш гыч тўнгалын, модын шаулен, мўгырен, Какшан касвекыла йоген вола,*

Динамика событий
в лирическом рассказе
Ю. Артамонова не играет
ведущей роли, автору важнее
показать движение души
героя-повествователя.

марий мландым пелыгыч ката, кугу улыш корныш лекше да садланак пугырак вашкыше егла куржынат колта, вара ноя да чарналта. Кадыргылеш, иксам ыштен кода, вик чыма, тўрлѳ ялла воктен йога, Йошкар-Ола дек миен лектеш. Тушанат ок шогал, каналтымыла кумдан, ласкан шўлалтен, эше умбаке чыма, Юл дек шуэши, кугу руш калыкын кугу энгерышкыже ушна, тудлан вийым, патырлыкым пуа, сылнылыкым ешара [2, 20]. «Откуда-то с севера, беря начало с небольшого источника, шумно играя, громокая, течет Кокшага на запад, делит марийскую землю на две половинки, бежит быстро, как вышедший на большую дорогу и поэтому спешащий человек, затем устает и останавливается. Рисует круги, создает и оставляет залив, устремляется прямо, течет возле разных деревень, доходит до Йошкар-Олы. И там не останавливается, легко и глубоко вздохнув, будто отдыхая, бежит дальше, добегают до Волги, сливается с большой рекой великого русского народа, дает ей силу, мощь, придает красоту». Или: *Теве кече шкежат койылаптыш. Йошкарге, шокио, кугу тыртыш. Орын кайыше егла тудо икмагаллан чарналтыш, пуйто шке кундемжым сайынрак ончалнеже. Палыш, витне: эркын, шижде, шке олмыш дене кўшкѳ кўзен кайыш* [там же, 40]. «Вот и солнце показалось. Красный, горящий, большой круг. Как удивленный человек, оно остановилось ненадолго, будто хочет лучше рассмотреть свой край. Узнало, видимо: медленно, незаметно, по своей дорожке поднялось наверх».

Описания насыщены множеством ярких и выразительных деталей. Приведем в качестве примера отрывок из текста, в котором дана картина природы,

Лирическому рассказу Ю. Артамонова свойственна персонажная эпицентричность. Внутреннее и внешнее действия сконцентрированы вокруг главного героя, который является основным повествовательным субъектом, смысловым и структурным центром произведения; его мысли и переживания ослабляют событийный сюжет и вносят в произведение лирико-психологическую сюжетность, вызывают лирическую стилистику.

воспринимаемая дедом Карпом и Лаврушем, слушающими пение птиц, кваканье лягушек и плескание рыб в воде. «Ночной концерт» начинается соловей: *Кенета... чынак, шола вечын шўшпык аптыраныше, сўсаныше йўкым пуыш. Ала шкенжым терга, ала вожылеш, йўкшў тунамак шулен йомо, пылышлан гына алят шокта: ныжылге, яндар, кумылзо. Пырт жап эртышат, кужунракын шўшкалтыш: тьр-р-р-чьоп-чьоп-чьоп* [там же, 31]. «Вдруг... действительно, с левой стороны соловей подал робкий, нерешительный голос. То ли голос проверяет, то ли стесняется, голос тут же рассеивается, только в ушах до сих пор звучит: нежный, чистый, веселый. Прошло немного времени, и снова засвистел, но чуть подольше: тьр-р-р-чьоп-чьоп-чьоп». Пробуют свои голоса и другие «участники» концерта: *А варарак тўнгалыч... Чыланат, иканаите! Икте весылан вашешат, сенгашак тўчен йырымлат, йўкышт лишемеш, торла, кўрышталтеш, жаплан шўлышым налаш чарналтат, уэи у вий дене мураш-шўшкаш пижыт. Тўшкаите шўшпыкын йомартле мурьжо палынак ойырте-малтеш. Шке йўкышым кузе вет кадыртылеш, шеремет: ший кылжым лыкын-лукын йонгалтарен колта, трук кўрлеш, вара адак шупшылеши. Айдемыла онгара, воштылеши, имньыла онгырешлен колта, турийла чўчка, мардежла шўшка* [там же, 32]. «Затем все начали... Все сразу!

Друг другу отвечают, заливаются, пытаясь победить друг друга, их голоса то приближаются, то удаляются, прерываются; останавливаются отдышаться на некоторое время и снова с новой силой начинают петь, свистеть. В толпе отчетливо выделяется веселая песня соловья. Как же переливается, выворачивается в звуке: дергает свои серебряные струны, затем прерывается, и снова дернет. Передразнивает человека, смеется, подражает лошади, трепещет, как жаворонок, свистит, как ветер». Автор мастерски воссоздает зрительные образы и «звуки природы».

Описанию внешности героев автор не уделяет много внимания. Внешность матери Лавруша, Карпа Афанасьевича и Ануш предстает в восприятии главного героя. Например, так он воспринимает портрет матери: *Ала-кузе кызыт веле ушешыже возо: аваже чот шонгемын. Чурий начкаже кўргыш пурен, куптыргыл пытен, шинчажат йўришын тўлыжген, сур ўпшат йогаш тўнгалын. Кидше эре чытыра, вўргорныжат пале. Мо шарна Лавруш, аваже эре ик вургемым чия. Кўреналге тўсан шовыч, лыжгайыше шемалге пинчак, кужу тувыр. Ала чияшыже уке, ала шонгылыкешыже чамана – эргыже ик ганат йодын огыл, налын нуашат ыш шоналте* [там же, 23]. «Только сейчас пришло в голову: мать очень постарела. Щеки втянулись, в морщинах, глаза совсем потускнели, седые волосы начали выпадать. Руки все время трясутся, видны кровеносные сосуды. Сколько помнит Лавруш, мать всегда в одной и той же одежде. Коричневатый платок, прохудившийся темный пиджак, длинное платье. То ли нет другой одежды, то ли жалеет под старость – сын никогда об этом ее не спрашивал и сам купить не догадался». Создается образ марийской женщины, которая часто экономит на себе, вся в заботах и никогда не жалуется. Описание внешности матери подчеркивает, таким образом, равнодушные Лавруша к матери. Он молод, занят своей работой (не успевает даже толком поесть), у него другие интересы.

Рассказ Ю. Артамонова отличается лексическим богатством, взаимопроникновением различных тропов, что усиливает лиризм повествования.

Итак, лирическому рассказу Ю. Артамонова свойственна персонажная эпицентричность. Внутреннее и внешнее действия сконцентрированы вокруг главного героя, который является основным повествовательным

субъектом, смысловым и структурным центром произведения; его мысли и переживания ослабляют событийный сюжет и вносят в произведение лирико-психологическую сюжетность, вызывают лирическую стилистику. Для рассказа характерны повышенно-эмоциональный строй речи, развернутые пейзажные и портретные описания, монологи и комментарии.

Поступила 17.02.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Антонов, С. Письма о рассказе / С. Антонов. – М. : Совет. писатель, 1964. – 300 с.
2. Артамонов, Ю. Канде тасман, у жар солыкан Какшан : ойлымаш // Ончыко. – 1975. – № 5. – С. 20–41.
3. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 248 с.
4. Кожевникова, Н. А. О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопр. языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104–114.
5. Кудрявцева, Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья : моногр. / Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2011. – 324 с.
6. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
7. Пейзаж как компонент художественного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litguide.ru/liconts-453-4.html>. – Дата обращения: 24.07.2014.
8. Рябинина, М. В. Марийская повесть второй половины XX века : поэтика психологизма : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Рябинина. – Чебоксары, 2014. – 185 с.
9. Шабдарова, Л. Е. Чувство природы в рассказе Маргариты Ушаковой «Таинственный взгляд» // Проблемы марийской и сравнительной филологии : сб. ст. / Мар. гос. ун-т ; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2014. – С. 191–195.
1. Antonov, S. (1964) Letters about short stories, Moscow: Sovitskij pisatel.
2. Artamonov, Yu. (1975) Kanda Tasman, Ujar solykan Kakshan: oylymash, 5, Ontshyko, pp. 20–41.
3. Esin, A. (1998) Principles and methods of analyzing literary works, Moscow: Flinta: Nauka.
4. Kozhevnikova, N. (1985) On the types of narrative in literary texts, 4, Problems of linguistics, pp. 104–114.
5. Kudryavtseva, R. (2011) Genesis and dynamics of the poetics of Mari story in the context of literature of the peoples of the Volga region: monograph, Yoshkar-Ola: Mari State University Press.
6. Nikolina, N. (2003) Philological text analysis, Moscow: Publishing center “Academy”.
7. Landscape as a component of a literary text [online], available: <http://litguide.ru/liconts-453-4.html> [accessed 24 July 2014].
8. Ryabinina, M. (2014) Mari story of the second half of the XX century: the poetics of psychology, dissertation (Candidate of Science, Philology), Cheboksary.
9. Shabdarova, L. (2014) Sense of nature in the story by Margarita Ushakova “Mysterious view”, Problems of Mari and comparative philology: collection of articles, Yoshkar-Ola: Mari State University, pp. 191–195.